

РЕЛИГИЯ В СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ

А.Н. СЕРГЕЕВА

Одной из характерных особенностей постсоветского периода российской политической истории явилась концептуализация идеи общегражданской консолидации и поиска нового наполнения национальной идентификации. Конструирование новых онтологических гомогенизирующих оснований обусловливается, в том числе, через апелляцию к традиционным исторически сложившимся социокультурным символам, представлениям, паттернам, нормам и ценностям. Одним из компонентов, формирующих символическую систему общества, является религиозная этика граждан, модулирующая специфический комплекс мировоззрения, принципов и практик. Для современной российской действительности актуальным является процесс реинтеграции религиозного наполнения во все основные области частного и публичного пространств. Советский период государственного атеизма, последовательно вытеснившего религию из общественной и частной жизни, период сокращения и уничтожения религиозных институтов и преследования верующих, сменился периодом «деприватизации»¹ религии, обусловленным как государственно-институциональными инициативами, так и увеличением численности граждан, идентифицирующих себя как приверженцев той ли иной конфессии.

В научный и общественно-публицистический дискурс широко вошли такие понятия, как публичная религиозность, религиозная публичность, инструментализация религии, декларированная религиозность и т.п. Проблематизируются диаметрально противоположные суждения: от актуализации тезиса о «Москве – Третьем Риме» и о необходимости выстраивания церковно-государственной симфонии по византийскому типу до требований неукоснительного следования светским принципам государственного устройства. Российское символическое пространство динамично трансформируется. Временной диапазон между публичными высказываниями «верующие – это те же советские граждане»² и «если бы даже новоизбранный президент не был православным человеком, эта служба так же была бы совершена»³ составляет один генерационный период, в рамках которого историческая память молодого поколения россиян парадоксальным образом интегрирует порой противоречивую картину социально-политического пространства.

В этой связи представляется интересным исследовать детерминированность символического общественно-консолидирующего универсума религиозным основанием. В качестве составных элементов обо-

значенной совокупности рассматриваются: государственные символы, национальная идентичность, публичная сфера и гражданская религия.

Государственно-политические символы. В широком смысле под символическим пространством понимается некая знаковая совокупность, имеющая для всех участников коммуникативного процесса общий интерпретативный репертуар. Моделирование новых символических образов современной российской политической властью обусловлено, в том числе, поиском новых консолидирующих смыслов. Для столь сложного поликультурального общества как российское, находящееся в настоящее время в состоянии лиминального кризиса, формирование единого общенационального символического универсума с учетом тренда религиозного возрождения представляется вполне логичным.

Однако использование сакрального наполнения символического поля политики в случае декларируемого светского характера государства вызывает противоречивые коннотации. К примеру, согласно ст. 14 Конституции РФ Россия является светским государством, при этом в государственном гимне есть такие строки: «Хранимая Богом родная земля». В тексте Конституции РФ говорится об отсутствии поддержки религиозных объединений со стороны государства, но повсеместно происходит лоббирование интересов и всесторонняя помощь религиозным сообществам. Кроме того, в комментариях к Конституции РФ указано, что светское государство не согласовывает свои действия с религиозными объединениями, но на практике в работах комитетов государственных органов власти участвуют представители от религиозных организаций.

За последние 20 лет наблюдается тенденция реанимации старой традиции и формирование новых практик соединения религиозных и государственных праздников. На данный момент считается официально объявленным государственным праздником (не рабочим днем) и являющимися по сути религиозным только праздник Рождества Христова (7 января). День Крещения Руси (28 июля) получил статус «Памятной даты России» в 2010 г.⁴ День национального единства (4 ноября), включенный в список государственных праздников по инициативе, в том числе, Патриарха Московского Кирилла для верующих россиян порой ассоциируется с днем празднования особо почитаемой на Руси Казанской иконы Божьей Матери. В Санкт-Петербурге, например, это празднование представляет собой организованный на городском уровне крестный ход по центральной магистрали города во главе с представителями политического руководства и лично губернатором Г. Полтавченко. Еще одной иллюстрацией сакрализации государственных символов служит включение в процесс инаугурации Президента РФ присутствия руководства определенных конфессий, но и благословения Патриархом Московским в Благовещенском

соборе Кремля супружеской четы законно избранного главы государства по православному канону.

Символом власти являются ее носители, обожествление которых исходит порой от самих российских граждан. Анализируя тексты обращений россиян к политическому лидеру государства можно увидеть отражение сакрализованного представления о власти: «Ваше Превосходительство! Уважаемый Господин Президент РФ, Дорогой Дмитрий Анатольевич! Господи Иисусе Христе, Боже наш! Прими от нас, недостойных раб Твоих, усердное моление сие...»⁵ Очевидно, что такого рода восприятие политической элиты не является общепринятым для российского общества в целом, что следует хотя бы из статистически представленного процентного соотношения верующих и не верующих россиян.

Национальная идентичность. В целях операционализации категории «национальная идентичность» воспользуемся двумя из множества определений: это «поддержание и постоянное воспроизводство определенного склада, набора ценностей, символов, воспоминаний, мифов и традиций, которые составляют отличительное культурное наследие нации»⁶ и «сознание, которое формируется на основе общей истории, общих языка и культуры, только сознание принадлежности к одной нации заставляет далеких друг от друга людей, рассеянных по бескрайним пространствам, чувствовать взаимную политическую ответственность»⁷.

Основной функцией национальной идентичности является гомогенизация общества, связанная с формированием общегражданской самоидентификации индивидов. Стабильность общественной консолидации может быть обеспечена в случае доминирования данной идентичности в сложной иерархии личных самоидентификационных оснований, когда граждане разделяют принятые общественным договором нормы и правила. Однако процесс конструирования национальной идентичности в современной России имеет ряд особенностей. С одной стороны, стремительный постатеистический религиозный ренессанс позволил обществоведам поставить под сомнение вопрос о секулярности сознания граждан и обозначил ситуацию, в которой религиозное мировоззрение «становится каналом осознания и понимания политического, социального бытия»⁸, способствует «преодолению советского наследия»⁹ и начинает оказывать большое влияние на восприятие процессов империи- и нациестроительства¹⁰. С другой стороны, и государство на гребне формирующего тренда «обращается к православию и отчасти к другим “традиционным религиям”, в поисках поддержки своей легитимности, стремится использовать его для конструирования своего варианта национальной идентичности»¹¹.

Актуализация индивидуальной религиозной «базовой»¹² или «значимой»¹³ идентичности способствует трансформации национального

(гражданского) самосознания, мировоззрения, символического пространства. На основании анализа результатов социологических исследований, связанных с изучением роста религиозности россиян, был сделан вывод о том, что основной причиной отождествления себя с той или иной конфессией для большинства современных граждан явился возврат к социокультурным и традиционным паттернам, к поискам новых форм групповой солидарности. В этом случае, включение себя в национальное (гражданское) сообщество для определенной группы россиян будет осуществляться косвенно, опосредованно через интеграцию в религиозное сообщество.

Символизм публичного пространства. Создание социально-политической реальности обусловлено коммуникативными действиями, формирующими этическое наполнение публичного пространства дискурса. В свою очередь в процессе интеракции модулируются действия и слова, представляющие собой определенный набор знаков, «за которыми вырисовываются смыслы»¹⁴. Интерпретация смыслового наполнения происходит опосредованно через символическое восприятие. Таким образом, пространство публичного коммуникативного взаимодействия представляет собой репрезентированное символами понимание значений.

В поле современного российского общественного дискурса актуализировались процессы формирования публичной религиозности и религиозной публичности, вызывающие порой широкий резонанс. Сложность интеграции нового символического содержания обусловлена и латентным противоречием между декларированной религиозностью и практикой и отсутствием у большинства граждан политического опыта артикуляции и отстаивания своих идей в период, когда стало возможным публичное проявление своих частных религиозных убеждений. «В сознании верующих доминируют религиозно-нравственные нормы»¹⁵, в идеале основанные на евангелистской этике, но современные неофиты склонны порой либо к аполитическому поведению и уходу к жизни «в свете веры», либо к националистически-монархической или агрессивной фундаменталистской направленности действий. Интерпретируя публичное событие через призму покушения на сакральное, религиозные активисты инициируют формирование новых коммуникативных принципов.

В качестве примера можно рассмотреть действия граждан вокруг ситуаций, связанных с запретом использования религиозной символики в произведениях культуры и искусства. За последние годы прошел ряд выставок художников, представивших свои образцы предметов современного искусства («Осторожно, религия» в январе 2003 г., Центр им. А. Сахарова; «Ненормативная выставка», 2003 г., Москва; «Ангелы порока» 2005 г., Санкт-Петербург и Екатеринбург и др.). Неоднозначность интерпретаций и пониманий художественных образов вызвала

активную реакцию у религиозных и секулярных активистов. Верующие находили в перформансах мотив уничтожения сакрального и оскорбление религиозных чувств, художники ссылались на свободу слова и самовыражения. Конфликт, усугубившийся решениями, принятыми судебными органами власти и предписывающими организаторам закрыть выставки и выплатить штрафы, занял значительное место в публичных дебатах. Обращает на себя внимание, что «именно религиозные чувства стали механизмом, определяющим границы свободы. Тот факт, что сакральное может выполнять эту роль, означает, что сакральное признается — по крайней мере, молчаливо — в качестве символического ресурса»¹⁶.

Широкий общественно-политический резонанс вызвали обсуждения ситуации вокруг фильма А. Звягинцева «Левиафан», постановки оперы «Тангейзер» Новосибирским театром оперы и балета и некоторых других художественных произведений. Встали вопросы об определении «публичного пространства», о границах свободы слова, о том, может ли религия рассчитывать на правовое и символическое преимущество в рамках некоего ограниченного плюрализма, должна ли религия приспособляться к секулярным ценностям и не становится ли выражение атеистических взглядов «политически опасной ересью»¹⁷.

Гражданская религия. Начало возникновения дискурса о феномене «гражданская религия» относят к трудам Ж.-Ж. Руссо, в которых французский мыслитель выстраивает модели интеграции этических принципов «естественной религии» в концепцию светского государства. Просветитель полагал, что с усилением влияния христианства, отделяющего «систему теологии от системы политической», конфликт между светскими и духовными властями неизбежен. В этом случае для формирования светского общества, основанного на принципах гражданского согласия, необходимо, чтобы суверенная власть устанавливала законы, принятые людьми как гражданами, а не как членами религиозной организации. Акцент делался также на том, что в «осуществлении суверенной власти» религиозная ассоциация как «самостоятельный организм» не принимала никакого участия¹⁸. В дальнейшем идея «гражданской религии» получила свое развитие в работах современных исследователей, связанных с поиском целостного онтологического основания, консолидирующего сложноструктурированное «воображаемое сообщество»¹⁹. В широком смысле, понятие гражданской религии (общественной или политической) предполагает принятие согражданами комплекса религиозно-политических взглядов и представлений об историческом и социокультурном «образе» нации. «Гражданская религия осуществляет связь общества со сферой безусловного смысла, способствует самоинтерпретации этого общества и функционирует в качестве символической структуры, интегрирующей данное общество»²⁰. Религия в данном контексте также определяется как нечто связующее, восстанавливающее

связь (от *religare*), но субъектом «трансцендентной связи» становится не индивид, а гражданское (политическое) сообщество. История XX в. знает трагические примеры крайней формы реализации этой идеи, когда субъектом «обожествления» становилась нация или возникало утопическое воззрение на построение коммунистического будущего. С определенным допущением можно утверждать, что в устройении современных государств, политическая история которых в той или иной степени обусловлена христианством, осуществились различные модификации концепта гражданской религии.

Формирование надконфессионального мировоззренческого континуума в современной России может стать одной из базовых основ общественной консолидации. Однако существует высокая доля вероятности критики данного тезиса со стороны лоббистов идеи «православного церковно-государственного консенсуса» как в среде политического руководства различного уровня, так и в среде духовного клира. Подтверждением тому служат слова Патриарха Кирилла из недавней проповеди в храме Христа Спасителя, в которой предстоятель Русской православной церкви подвергает сомнению примат закона о праве гражданина перед словом Божиим, а в случае принятия данного постулата верующим полагает определять его как ересь²¹. Такого рода высказывания являются естественными для христианского священника, но возникает вопрос: как много россиян (верующих и неверующих) разделяют это убеждение и готовы редуцировать принципы светской этики к церковным нормативно-ценностным предписаниям?

Подводя предварительные итоги, хотелось бы отметить, что символическое пространство столь сложного поликонфессионального гражданского сообщества, каким является современное российское государство, обусловлено множественностью интерпретативных конструкций. Формирование целостного консолидирующего социум онтологического основания представляет собой перманентно трансформирующийся исторический процесс, в рамках которого происходит взаимовлияние и взаимопроникновение индивидуальных и групповых идентификационных моделей. На данном этапе развития российского общества неотъемлемой частью публичного коммуникативного дискурса является процесс активизации религиозного компонента в качестве символического ресурса. Апелляция к данному ресурсу для конструирования национального (гражданского) консенсуса представляется некорректной, так как создает преференции для определенной группы граждан, например, входящих в религиозные организации. Тренд на чрезмерное использование религии как символического потенциала общественного согласия оказывает негативное влияние как на светские принципы государственного устройства, так и на религиозные институты, что в конечном итоге не способствует социальной стабильности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Casanova J. Public Religions in the Modern World.* – Chicago: The University of Chicago Press, 1994. P. 57.

² «Верующие – это советские люди, и они имеют полное право достойно выражать свои убеждения» (из архива ЖМП). – URL: http://www.e-vestnik.ru/docs/vstrecha_genseka_gobacheva_s_patriarhom_pimenom_7144/

³ Молебен о Президенте: для чего? Редакция портала «Православие и мир» от 5 мая 2012 г. – URL: <http://www.pravmir.ru/moleben-o-prezidente-dla-chego/> (Дата обращения: 10.10.14).

⁴ Федеральный закон от 23.07.2010 № 170-ФЗ «О внесении изменения в статью 1.1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России». – URL: <http://zakonbase.ru/zakony/170-fz-ot-2010-07-23-o-vnesenii>

⁵ «Вопль многодетного сироты». Открытое письмо Президенту РФ Медведеву Д.А... – URL: http://medvedevu.ru/news/vopl_mnogodetnogo_siroty/2010-07-01-6829 (Дата обращения: 01.03.2016).

⁶ *Smith A.D. Nationalism and modernism. A critical survey of recent theories of nations and nationalism.* – N. Y.; L.: Routledge, 1998. P. 30.

⁷ *Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм.* – М.: Практика, 2002. С. 367.

⁸ Религия и конфликт / под. ред. А. Малашенко и С. Филатова. – М.: РОССПЭН, 2007. С. 9.

⁹ Конфессия, империя, нация: Религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства. – М.: Новое издательство, 2012. С. 11.

¹⁰ Там же. С. 10.

¹¹ *Верховский А. Правовые основы светскости в России // Религия и светское государство. Принцип laïcité в мире и Евразии / под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе.* – М.: Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук в Москве, 2008. С. 153.

¹² *Мчедлов М.П. Общие вопросы религиозной идентичности. К постановке проблемы, условия ее объективного анализа // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / отв. ред. М.П. Мчедлов.* – М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 17.

¹³ *Трейнор Б. Теоретизируя на тему постсекулярного общества // Государство, религия и церковь в России и за рубежом.* 2012. № 2 (30). С. 203.

¹⁴ *Ильин М.В. Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий.* – М.: РОССПЭН, 1997. С. 15.

¹⁵ Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / отв. ред. М.П. Мчедлов. – М.: Культурная революция, 2007. С. 13.

¹⁶ *Агаджанян А. Частная и публичная религия в России: индивидуализация и возвращение великого мифа // Религия и светское государство. Принцип laïcité в мире и Евразии/ под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе.* – М.: Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук в Москве, 2008. С. 224.

¹⁷ Эпштейн М. Религия после атеизма. Новые возможности теологии. – М.: АСТ-Пресс Книга, 2013. С. 12.

¹⁸ Занин С.В. «Гражданская религия» Жан-Жака Руссо // Французский ежегодник 2004: Формы религиозности в XV – начале XIX вв. – М.: УРСС, 2004. С. 181–206.

¹⁹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. – М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц; Кучково поле, 2001. С. 28.

²⁰ Теологический энциклопедический словарь под редакцией У. Элвелла. – М.: Ассоциация «Духовное возрождение» ЕХБ, 2003. С. 327–329.

²¹ Слово Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Торжества Православия после Литургии в Храме Христа Спасителя. Официальный сайт Московского Патриархата. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4410951.html> (Дата обращения: 26.03.16).

REFERENCES

Address of His Holiness Patriarch Kirill on the feast of the Triumph of Orthodoxy after the Liturgy in the Cathedral of Christ the Saviour. Available at: Official site of the Moscow Patriarchy. <http://www.patriarchia.ru/db/text/4410951.html> (accessed: 26.03.16).

Agadzhanian A. Private and public religion in Russia: individualization and return of the great myth. In: *Religion and secular state. The principle of laïcité in the world and Eurasia*. A. Agadzhanian, C. Roussel (eds.). Moscow, The French-Russian center of humanitarian and social sciences in Moscow, 2008, pp. 217-240 (in Russian).

Anderson B. *Imagined communities reflections on the origin and spread of nationalism*. Trans. into Russian by V. Nikolaev. Moscow, CANON-PRESS C, Kuchkovo pole, 2001. 288 p.

Belief. Ethnos. Nation. Religious component of ethnic consciousness. M.P. Mchedlov (ed.). Moscow, Cultural revolution, 2007. 368 p. (in Russian).

Believers are the Soviet people, and they have full authority to express adequately the beliefs. In: *Journal of the Moscow Patriarchate*. Available at: http://www.e-vestnik.ru/docs/vstrecha_genseka_gobacheva_s_patriarhom_pimenom_7144/ (in Russian).

Casanova J. *Public Religions in the Modern World*. Chicago, University of Chicago Press, 1994. 330 p.

Confession, empire, nation: Religion and a problem of a variety in the history of the former Soviet Union. M.P. Mchedlov (ed.). Moscow, New Publishing House, 2012. 470 p. (in Russian)

«Cry of the orphan having many children». Open letter to the Russian President Medvedev D. And... Available at: http://medvedevu.ru/news/vopl_mnogodetnogo_sirot/2010-07-01-6829 (accessed: 01.03.2016) (in Russian).

Epstein M. *Religion after atheism. New opportunities of theology*. Moscow, AST-PRESS KNIGA, 2013. 416 p. (in Russian).

Habermas J. European national state: his achievements and limits. About the past and the future of sovereignty and nationality. In: *Nations and Nationalism*. Moscow, Praxis, 2002, pp.364-380.

Ilyin M.V. *Words and meanings: Experience of the description of key political concepts*. Moscow, Russian political encyclopedia, 1997. 432 p. (in Russian)

Mchedlov M.P. General questions of religious identity. To statement of a problem, condition of her objective analysis. In: *Religion in consciousness of the people (a religious factor in identification processes)*. M.P. Mchedlov (ed.). Moscow, Institute of sociology, Russian Academy of Sciences, 2008, pp. 13-33 (in Russian).

Prayer about the President: What for? Edition of the Orthodoxy and World portal of May 5, 2012. Available at: <http://www.pravmir.ru/moleben-o-prezidente-dla-chego/> (accessed: 10.10.14) (in Russian).

Religion and the conflict. A. Malashenko, S. Filatov (eds.). Moscow, Russian political encyclopedia, 2007. 287 p. (in Russian).

Smith A.D. *Nationalism and modernism. A critical survey of recent theories of nations and nationalism*. New York, London, Routledge, 1998. 270 p.

The federal law from 7/23/2010 N 170-FZ «About modification of article 1.1 of the Federal law «About days of military glory and memorials of Russia» on July 23, 2010 N 170-FZ. (in Russian).

The theological encyclopedic dictionary. W. Elvell (ed.). Moscow, Spiritual Revival Association of Evangelical Christians-Baptists Publ., 2003. 1488 p. (in Russian).

Trainer B. Theorising Post-Secular Society. In: *State, religion and church in Russia and world*. 2012. Vol. 2 (30), pp. 178-213.

Verkhovsky A. Legal basis of secularism in Russia. In: *Religion and the secular state. The principle of laïcité in the world and Eurasia*. A. Agadzhanian, C. Roussel (eds.). Moscow, The French-Russian center of humanitarian and social sciences in Moscow, 2008, pp. 151-166 (in Russian).

Zanin S.V. «Civil religion» of Jean-Jacques Rousseau. In: *French year-book 2004. Religiousness forms in XV – the beginning of the 19th centuries*. Moscow, URSS, 2004, pp. 181-206 (in Russian).

Agadzhanian A. Private and public religion in Russia: individualization and return of the great myth. In: *Religion and secular state. The principle of laïcité in the world and Eurasia*. A. Agadzhanian, C. Roussel (eds.). Moscow, The French-Russian center of humanitarian and social sciences in Moscow, 2008, pp. 217-240 (in Russian).

Epstein M. *Religion after atheism. New opportunities of theology*. Moscow, AST-PRESS KNIGA, 2013. 416 p. (in Russian).

Zanin S.V. «Civil religion» of Jean-Jacques Rousseau. In: *French year-book 2004. Religiousness forms in XV – the beginning of the 19th centuries*. Moscow, URSS, 2004, pp. 181-206 (in Russian).

Anderson B. *Imagined communities reflections on the origin and spread of nationalism*. Trans. into Russian by V. Nikolaev. Moscow, CANON-PRESS C, Kuchkovo pole, 2001. 288 p.

The theological encyclopedic dictionary. W. Elvell (ed.). Moscow, Spiritual Revival Association of Evangelical Christians-Baptists Publ., 2003. 1488 p. (in Russian).

Address of His Holiness Patriarch Kirill on the feast of the Triumph of Orthodoxy after the Liturgy in the Cathedral of Christ the Saviour. Available at: Official site of the Moscow Patriarchy. <http://www.patriarchia.ru/db/text/4410951.html> (accessed: 26.03.16).

Аннотация

В статье проблематизируются особенности влияния процесса реинтеграции религиозного наполнения публичного и частного пространства на консолидацию современного российского общества. Фокусируется внимание на детерминировании национальной идентификации религиозным содержанием и на использовании религиозной компоненты в качестве символического ресурса для формирования новых социально-политических коммуникативных практик.

Ключевые слова: символический ресурс, публичное пространство, Русская православная церковь, гражданская религия, национальная идентичность.

Summary

Influence of religious content reintegration on public and private space of modern Russian society is discussed in the article. Attention is focused on national identification being determined by religious content and on religious component used as symbolic resource for new socio-political communicative practice formation.

Keywords: symbolical resource, public space, Russian Orthodox Church, civil religion, national identity.